

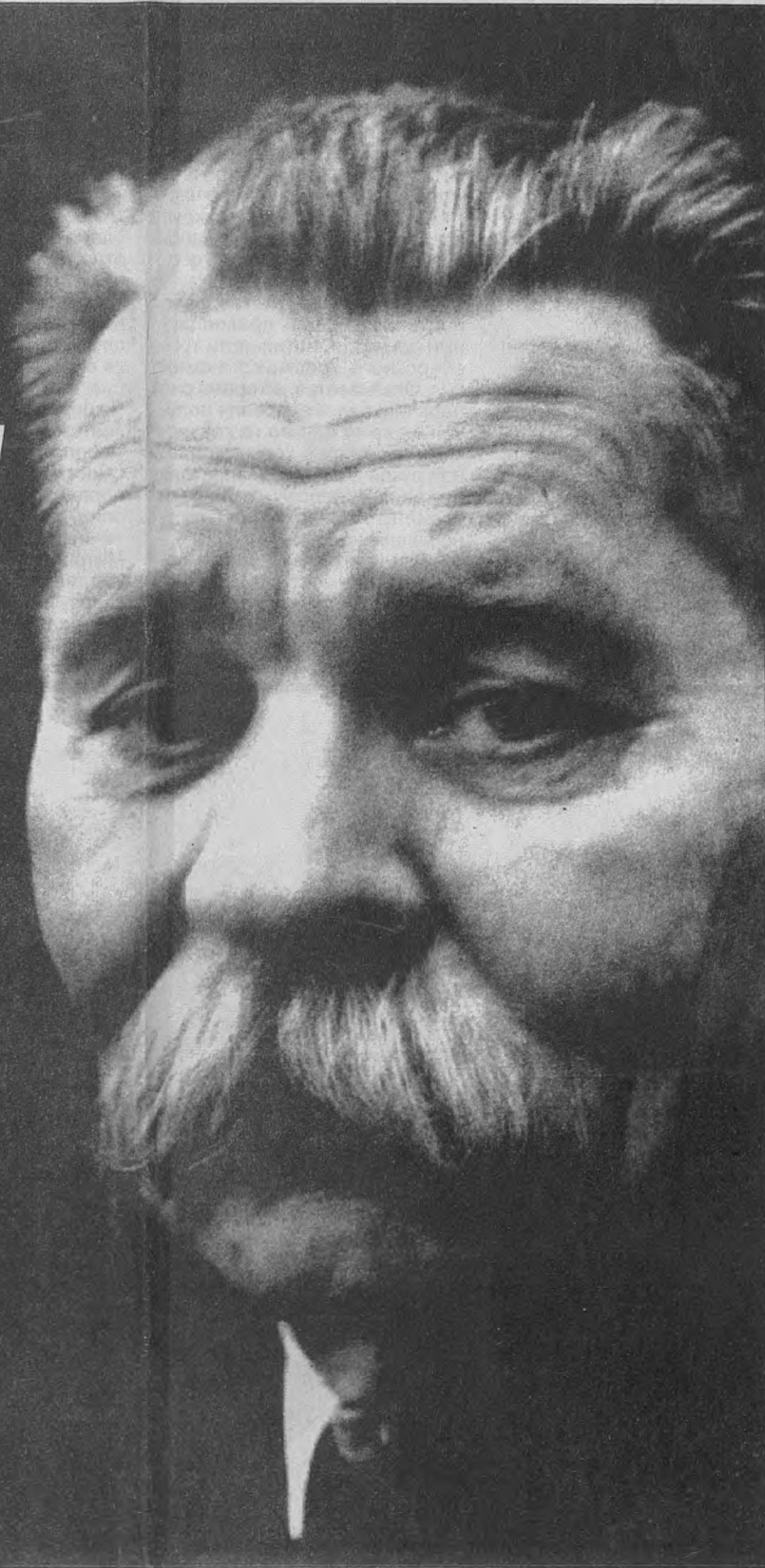

У Евгения Евтушенко есть строки: "Был март, далекий до апреля, — в нем было холодно и пусто..." Вот это "пусто" меня как историка, журналиста и писателя возмущает. В истории не бывает пустоты. В доказательство этого на этой полосе я отразил лишь некоторые "всполохи" культурной жизни именно в марте. Полный набор дат и событий уместить просто невозможно.

Вс. кн. 48. — 1998. — 5 марта. — с. 11

БУРЕВЕСТНИК, ПОИМАННЫЙ В СЕТИ

125-летие
Алексея
Максимовича
в 1993 году
практически
не отмечали.
Было
не до юбилея:
отмечали
«поминки
по советской
литературе».
Хотя на Западе
имя Горького
широко гуляло
по страницам
прессы и книг.
Западные
исследователи
отдавали дань
Горькому
как человеку
и художнику.

Некоторый бум произошёл в 1996 году в связи с 60-летием со дня смерти пролетарского писателя. Появились новые книги («Горький без грима» и др.), на экране полькнул фильм режиссера Ю. Сорокина «Под знаком Скорпиона», в котором Горький в ужасе прозревает и произносит до жути современную фразу: «Как они меня подставили!»

Однако от некоего шептания и мелькания материалов о Горьком фигура и личность писателя не стала понятной и близкой. Он по-прежнему более миф, легенда, чем живой во плоти человек (или по-горьковски: «матерый человецище»).

Проницательный Исаак Бабель встречался с Горьким в мае 1931 года и записывал в дневнике: «День 22-го провел за городом на даче у Алексея Максимовича. Встретились мы с прежней любовью. Впечатления так сложны, что еще до сих пор не разобрался. Но старик, конечно, такой, какого другого в мире нет».

Не мог разобраться в нем и Корней Чуковский:

«Как хотите, а я не верю в его биографию. Сын мастерового? Исходил всю Россию пешком? Не верю...»

Сколько напечатано о Горьком, а полной ясности так и нет. Буревестник-сфинкс. Буревестник-загадка.

Сегодня Горькому исполняется 130 лет (он родился 18(30) марта 1868 года). Пересказывать биографию бессмысленно, но все же необходимо напомнить, что с 10 лет Алексей Пешков — круглый сирота. И в который раз можно удивляться его удивительным похождениям, головоружительной смене мест и профессий: Волга, Астрахань, Моздокские степи, Дунай, Черное море, Крым, Кубань, горы Кавказа... Помощник повара на корабле, продавец икон, тряпичник, грузчик, рыбак... Ну прямо российский Франсуа Вийон, а уж Джек Лондон — точно! Но вот что удивительно: казалось бы, «хождение в народ» способствует развитию любви ко всем классам, но почему-то крестьян Горький не любил, даже презирал. Ему явно не по нраву были крестьянская долготерпеливость и покорность.

Босяк всея Руси был большим поклонником Фридриха Ницше и даже усыносил, как у немецкого философа, «Босяцкое нищенство» Горького советские критики позднее переименовали в «революционный романтизм». Ранние герои Горького — Челкаш и Мальва — суть сверхчеловеки из босяцкого дна. Это импони-

ровало самому Алексею Максимовичу: он не хотел быть заурядным человеком и простеньким писателем, а сверхчеловеком и непременно классиком русской литературы. И в отдельные периоды жизни он чувствовал себя и тем, и другим. Но были моменты и иные, когда он ощущал себя слабым и беззащитным. Не отсюда ли попытка самоубийства 12 декабря 1887 года? Как писал «Волжский вестник»:

«Нижегородский цеховой Алексей Максимов Пешков... выстрелил из револьвера себе в левый бок, с целью лишить себя жизни».

Начинал Горький как поэт и в 1889 году показал Владимиру Короленко поэму в стихах и прозе «Песня старого дуба». Короленко ее раскритиковал, и молодой автор, следуя литературной традиции, сжег свой опус.

Потом Горький перешел на рассказы, пьесы, романы, их успеху немало способствовали сама личность Горького и время, в которое он появился. Как писал Георгий Адамович: «В девяностых годах Россия изнывала от «безвременья», от тишины и покоя: единственный значительный духовный факт тех лет — проповедь Толстого — не мог ее удовлетворить. Нужна была пища потягуще, попроще, пища, на иной возраст рассчитанная — и в это затишье, полное «грозовых» предчувствий, Горький со своими соколами и буревестниками ворвался, как желанный гость. Что нес он с собою? Никто в точности не знал, — да и до того ли было?»

Аресты и посадки в тюрьму Горького тоже способствовали его популярности (ах, как любят у нас гонимых и преследуемых!).

Горький шел путем, отличным от всех русских писателей-интеллигентов. Он посвящал себя ордену революционеров. Роковая связь с Лениным и большевистской партией лишь укрепляла в нем мечту о всеобщем равенстве и братстве, и вот тут Буревестник и крикнул: «Бура! Скоро грянет бура!»

Справедливости ради следует отметить, что не один Горький верил в очистительную миссию революционной бури (даже Зинаида Гиппиус жаждала перемен). Персонаж горьковской пьесы «Враги» (1906), молодой рабочий Ягодин говорит: «Соединимся, окружим, тиснем — и готово».

Соединись. Окружили. Тиснули. И одним из первых, кто ужаснулся новой жизни, был Максим Горький. Его знаменитые статьи-протесты 1917 — 1918 годов были со-

браны в сборник «Несвоевременные мысли». Политика насилия и кровь, пролитая большевиками, испугали Буревестника, хотя он и не отказался от сотрудничества с новой властью. Как писал Евгений Замятин: «Писатель Горький был принесен в жертву: на несколько лет он превратился в какого-то неофициального министра культуры, организатора общественных работ для выбитой из колеи голодающей интеллигенции...»

Я не согласен с Замятиным, с его выражением «был принесен в жертву». Никакая это была не жертва, сам Максим Горький по личной воле играл роль жреца-спасителя, и эта роль ему нравилась. Он действительно многим помогал и многих спас от ЧК, не случайно у него не сложились отношения с лидером петроградских большевиков Зиновьевым. Клевета Горького и партийная печать. Журнал «На посту» прямо заявлял, что «бывший Главокоп ныне Центроуж».

В конце концов Горького справадили за границу, там он осмысливал пережитое в революционной России и хмуро писал Ромену Роллану: «...меня болезненно смущает рост количества страданий, которыми люди платят за красоту своих надежд».

В его итальянском доме всегда находились постоянные жильцы, гости и приживальщики. За помощью к Алексею Максимовичу обращались многие эмигрантские писатели. Он всем помогал, всех кормил, а на себя тратил ничтожную малость: папиросы да рюмка вермута в угловом кафе на единственной соррентинской площади. Полюбил он фейерверки, праздники, которыми была богата жизнь в Италии. Все это дало повод съехидничать Василию Розанову в одном из писем: «Наш славный Massimo Gorki».

И все же Россия тянула к себе Горького, к тому же новый хозяин страны Сталин предпринимал немалые усилия, чтобы заполучить писателя. Горький со своей популярностью, авторитетом, влиянием и значением в мировой культуре должен был украсить фасад СССР. Гуманизм Горького, по идее Сталина, должен был прикрыть преступления режима.

Интересно читать переписку Сталина и Горького. Писатель написал вождю более 50 писем, а всего, кстати, эпистолярное наследие Горького насчитывает гигантскую цифру — 10 тысяч писем, из которых до сих пор не опубликовано более 15 процентов.

Итак, Горький — Сталину, 29 ноября 1929 года, Сорренто:

«... Страшно обрадован возвращением к партийной жизни Бухарина, Алексея Ивановича (Рыкова. — Ю. Б.), Томского. Очень рад. Такой праздник на душе. Тяжело переживал я этот раскол».

Крепко жму Вашу лапу. Здоровья, бодрости духа! А. Пешков».

Так и тянет каламбурить, что Пешков остался пешкой в сложной политической игре вождя, в конечном счете Горький и был пожертвован как пешкой, когда выполнил свою функцию гуманистической вывески советской страны и стал раздражать своим чрезмерным человеколюбием. Но это произошло не сразу. Поначалу Горькому все понравилось по возвращении на родину. Он верил в сфабрикованные процессы. Клеймил «врагов народа»: «Если враг не сдается — его уничтожат» — печально-знаменитая статья Горького в «Правде» от 15 ноября 1930 года. Дружил с Ягодой. «Осветил» разбильский труд заключенных на Беломорканале. Провел первый съезд советских писателей. Он много сделал позитивного для Сталина и Страны Советов. Был за это возведен и восхвалялся (город Горький, улица Горького, театр имени Горького и т.д.). Жил Горький в своеобразной золотой клетке, бдительно охраняемой НКВД, многое не увидел и многого не понял, но постепенно начинал прозревать, не случайно, что он так и не написал панегирик о Сталине, которого от него так ждали. Рука не поднялась?..

«Предлагаю назвать нашу жизнь Максимально Горькой», — как-то пошутил Карл Радек. Но писателю было не до шуток. Отношения с вождем становились все более напряженными, смею предположить, что оба — Горький и Сталин — разочаровались друг в друге.

Горький дважды пережил драму личного сознания в начале революции в 1917 — 1918 годах и в середине 30-х, на взлете строительства социализма. Судя по его письмам и высказываниям, он горько жалел, что стал соавтором и соучастником величайшего иллюзия XX века — строительства государства справедливости и правды, счастливого единения рабочих и крестьян при массовом истреблении остальных «враждебных» классов.

Горький умер накануне приезда в Москву двух интеллектуалов Запада Андре Жиды и Луи Арагона. Весьма вероятно, что он высказал бы им все наболевшее на душе.

Но эта «исповедь» не состоялась. Как злоеший знак предупреждения стала катастрофа гигантского самолета «Максим Горький», случившаяся за год до смерти писателя — 18 мая 1935 года.

Не будем муссировать смерть Буревестника, наступившую 18 июня 1936 года (убили, отравили?) и валить все на «железную женщину» — Марию Будберг. Не это главное. Главное то, что он был Буревестником в клетке. В сетях. Скованным и фактически замурованным. Он выполнил свою историческую миссию «освящения» Революции и вынужден был покинуть сцену. Роль сыграна. Мавр оказался не нужным.

Поэт Александр Прокофьев вспоминал: «Умер Горький. Вызвали меня из Ленинграда и прямо в Колонный зал. Стою в почетном карауле. Слезы туманят глаза. Вижу, Федин слезу смахивает. Погодин печально голову понурил. Вдруг появился Сталин. Мы встрепенулись и ... зааплодировали».

Хороший эпизодик, не правда ли? Он говорит о многом.

Христианский мыслитель, историк культуры и, естественно, эмигрант, Георгий Федотов откликнулся статьей «На смерть Горького». У нас она малоизвестна и поэтому имеет смысл привести отрывок из нее:

«...Горький никогда не был русским интеллигентом. Он всегда ненавидел эту формацию, не понимал ее и мог изображать только в грубых карикатурах... Горький не был рабочим. Горький презирал крестьянство, но у него всегда было живое чувство особого классового самосознания. Какого класса?.. Тех классов или тех низовых слоев, которые сейчас победили в России. Это новая интеллигенция, смертельно ненавидящая старую Россию и упоенная рационалистическим замыслом России новой, небывалой. Основные черты нового человека в России были предвосхищены Горьким еще 40 лет тому назад. Он всегда был с еретиками, с романтиками, с искателями, которые примешивали крупную индивидуализма к безрадостному коллективизму Ленина... Добрая прививка нищенства в юности сблизила Горького с Лениным в этой готовности бить дураков по голове, чтобы научить их уму-разуму. Но в отличие от Ленина, Горький не заигрывал с тьмой и не раздувал зверя. Тьме и зверю он объявлял войну и долго не хотел признавать торжества победителей. Горький эпохи октябрьской революции (1917 — 1922) — это апогей человека. Никто

не вправе забыть того, что сделал в эти годы Горький для России и для интеллигенции...»

Говоря о 30-х годах, Федотов восклицает:

«Как он мог не заметить страданий народа, на костях которого шла стройка? Как он мог смешать энтузиастов с чекистами и скрепить своим именем бесчеловечность беломорской каторги? Что это? Слепота? Наивность?.. в каком-то смысле слепота усталости, которая не хочет правды. Слишком горька правда, и старый человек хочет успокоиться на подушке «достижений»...».

Федотову было легко в эмиграции писать все, что он знал и думал. Но Горький жил в центре ГУЛАГа, о чем кричит одна из его записок: «Как собака: все понимаю, а молчу».

Можно согласиться с выводом Дэна Левина в книге «Буревестник» (1965), что Горький осознал, что прожил жизнь «не на той улице», и вложил это трагическое признание в уста Егора Булычева.

Как у человека, как у личности у Максима Горького трагическая судьба, а как писателя? Тоже непростая. Он хотел писать, как Бунин и Леонид Андреев, а писал, естественно, как Максим Горький. Русские писатели-эмигранты невысоко ставили все то, что делал Алексей Максимович. Борис Зайцев утверждал, к примеру, что «литературно «Буревестник» убог... невелик в искусстве, но значителен, как ранний Соловей-разбойник. Повесть у него довольно громкий...»

Итак, литературный повист... Другие мнения: реалист, бытовик или, как выразился Виктор Шкловский, «очень начитанный бытовик» («Детство», цикл «На Руси», добротные «Артамоновы» и т.д.).

Лучшая книга, на мой взгляд, «Клим Самгин», настоящая эпопея об интеллигенции, хотя Борис Парамонов утверждает, что это всего лишь «мемуары плебей-комплексанта». Не согласен. Прекрасная книга, не потерявшая и актуальности сегодня. Вот вам маленький отрывочек:

«— Сотенку ухлопали, если не больше. Что же это значит, господа, а? Что же это... война с народонаселением означает?»

Никто не ответил ему, а Самгин подумал и сказал:

— Это — не ошибка, а система».

Ну что ж, заканчивая эти грустно-юбилейные строчки, вслед за Максимом Горьким зададим сакральный вопрос: «А был ли маленький?»

Российский вопрос-фантом. А была ли империя?..